

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. А. Некрасов
КОМУ НА РУСИ
ЖИТЬ ХОРОШО

Школьная библиотека (Детская литература)

Николай Некрасов

Кому на Руси жить хорошо

Издательство «Детская литература»

1866–1876

УДК 821.161.1-13
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Некрасов Н. А.

Кому на Руси жить хорошо / Н. А. Некрасов — Издательство
«Детская литература», 1866–1876 — (Школьная библиотека
(Детская литература))

ISBN 978-5-08-005195-1

«Кому на Руси жить хорошо» – итоговое произведение Некрасова, народная эпопея, куда вошел весь многовековой опыт крестьянской жизни, все сведения о народе, собранные поэтом «по словечку» в течение двадцати лет. Комментированное издание. Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-13
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-08-005195-1

© Некрасов Н. А., 1866–1876
© Издательство «Детская
литература», 1866–1876

Содержание

Ю. Лебедев	6
Кому на Руси жить хорошо	34
Часть первая	34
Пролог	34
Глава I	43
Глава II	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Алексеевич Некрасов

Кому на Руси жить хорошо

© Лебедев Ю. В., вступительная статья, комментарии, 1999

© Годин И. М., наследники, иллюстрации, 1960

© Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2003

* * *

Ник. Некрасов

1821—1878

Ю. Лебедев **Русская одиссея**

В «Дневнике писателя» за 1877 год Ф. М. Достоевский подметил характерную особенность, появившуюся в русском народе пореформенного времени, – «это множество, чрезвычайное современное множество новых людей, нового корня русских людей, которым нужна правда, одна правда без условной лжи, и которые, чтобы достигнуть этой правды, отдадут все решительно». Достоевский увидел в них «наступающую будущую Россию».

В самом начале XX века другой писатель – В. Г. Короленко вынес из летней поездки на Урал поразившее его открытие: «В то самое время, как в центрах и на вершинах нашей культуры говорили о Нансене, о смелой попытке Андрэ проникнуть на воздушном шаре к Северному полюсу, – в далеких уральских станицах шли толки о Беловодском царстве и готовилась своя собственная религиозно-ученая экспедиция». Среди простых казаков распространилось и окрепло убеждение, что «где-то там, „за далью непогоды“, „за долами, за горами, за широкими морями“ существует „блаженная страна“, в которой промыслом Божиим и случайностями истории сохранилась и процветает во всей неприкосновенности полная и цельная формула благодати. Это настоящая сказочная страна всех веков и народов, окрашенная только старообрядческим настроением. В ней, насажденная апостолом Фомой, цветет истинная вера, с церквями, епископами, патриархом и благочестивыми царями... Ни татьбы, ни убийства, ни корысти царство это не знает, так как истинная вера порождает там и истинное благочестие».

Оказывается, еще в конце 1860-х годов донские казаки списывались с уральскими, собрали довольно значительную сумму и снарядили для поисков этой обетованной земли казака Варсонофия Барышникова с двумя товарищами. Барышников отправился в путь через Константинополь в Малую Азию, далее – на Малабарский берег, наконец, в Ост-Индию... Экспедиция возвратилась с неутешительным известием: Беловодья ей найти не удалось. Спустя тридцать лет, в 1898 году, мечта о Беловодском царстве вспыхивает с новой силой, находятся средства, снаряжается новое паломничество. «Депутация» казаков 30 мая 1898 года садится на пароход, отправляющийся из Одессы в Константинополь.

«С этого дня, собственно, и началось заграничное путешествие депутатов Урала в Беловодское царство, и среди международной толпы купцов, военных, ученых, туристов, дипломатов, разъезжающих по свету из любопытства или в поисках денег, славы и наслаждений, замешались три выходца как бы из другого мира, искавшие путей в сказочное Беловодское царство». Короленко подробно описал все перипетии этого необычного путешествия, в котором, при всей курьезности и странности задуманного предприятия, проступала все та же, отмеченная Достоевским, Россия честных людей, «которым нужна одна лишь правда», у которых «стремление к честности и правде непоколебимое и нерушимое, и за слово истины всякий из них отдаст жизнь свою и все свои преимущества».

В великое духовное паломничество втягивалась к исходу XIX века не только верхушка русского общества, к нему устремлялась вся Россия, весь ее народ. «Эти русские бездомные скитальцы, – замечал Достоевский в речи о Пушкине, – продолжают и до сих пор свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнут». Долго, «ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться, – дешевле он не примирится».

«Был, примерно, такой случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил, – говорил очередной странник в нашей литературе, Лука, из пьесы М. Горького «На дне». – Должна, говорил, быть на свете праведная страна... в той, дескать, земле – особые люди населяют... хорошие люди! Друг дружку они уважают, друг дружке – завсяко-запросто – помогают... и все у них славно-хорошо! И вот человек все собирался идти... праведную эту

землю искать. Был он – бедный, жил – плохо... и когда приходилось ему так уже трудно, что хоть ложись да помирай, – духа он не терял, а все, бывало, усмехался только да высказывал: „Ничего! Потерплю! Еще несколько – подожду... а потом брошу всю эту жизнь и – уйду в праведную землю...“ Одна у него радость была – земля эта... И вот в это место – в Сибири дело-то было – прислали ссыльного ученого... с книгами, с планами он, ученый-то, и со всякими штуками... Человек и говорит ученому: „Покажи-ка ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога?“ Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил... глядел-глядел – нет нигде праведной земли! „Все верно, все земли показаны, а праведной – нет!“

Человек – не верит... Должна, говорит, быть... ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои ни к чему, если праведной земли нет... Ученый – в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нет. Ну, тут человек и рассердился – как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил – есть! а по планам выходит – нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: „Ах ты... сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый...“ Да в ухо ему – раз! Да еще!.. (Помолчав.) А после того пошел домой – и удавился!»

1860-е годы обозначили крутой исторический перелом в судьбах России, порывавшей отныне с подзаконным, «домоседским» существованием и всем миром, всем народом отправлявшейся в долгий путь духовных исканий, отмеченный взлетами и падениями, роковыми искушениями и уклонениями, но путь праведный именно в страстности, в искренности своего неизбывного стремления обрести правду. И пожалуй, впервые откликнулась на этот глубинный процесс, охвативший не только «верхи», но и самые «низы» общества, поэзия Некрасова.

1

Поэт начал работу над грандиозным замыслом «народной книги» в 1863 году, а заканчивал смертельно больным в 1877-м, с горьким сознанием недоволенности, незавершенности задуманного: «Одно, о чем сожалею глубоко, это – что не кончил свою поэму «Кому на Руси жить хорошо». В нее «должен был войти весь опыт, данный Николаю Алексеевичу изучением народа, все сведения о нем, накопленные „по словечку“ в течение двадцати лет», – вспоминал о беседах с Некрасовым Г. И. Успенский.

Однако вопрос о «незавершенности» «Кому на Руси жить хорошо» весьма спорен и проблематичен. Во-первых, признания самого поэта субъективно преувеличены. Известно, что ощущение неудовлетворенности бывает у писателя всегда, и чем масштабнее замысел, тем оно острее. Достоевский писал о «Братьях Карамазовых»: «Сам считаю, что и одной десятой доли не удалось того выразить, что хотел». Но дерзнем ли мы на этом основании считать роман Достоевского фрагментом неосуществленного замысла? То же самое и с «Кому на Руси жить хорошо».

Во-вторых, поэма «Кому на Руси жить хорошо» была задумана как эпопея, то есть художественное произведение, изображающее с максимальной степенью полноты и объективности целую эпоху в жизни народа. Поскольку народная жизнь безгранична и неисчерпаема в бесчисленных ее проявлениях, для эпопеи в любых ее разновидностях (поэма-эпопея, роман-эпопея) характерна незавершенность, незавершаемость. В этом заключается ее видовое отличие от других форм поэтического искусства.

«Эту песенку мудреную
Тот до слова допоет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».
Сам ее Христов угодничек
Не допел – спит вечным сном —

так выразил свое понимание эпического замысла Некрасов еще в поэме «Коробейники». Эпопею можно продолжать до бесконечности, но можно и точку поставить на каком-либо высоком отрезке ее пути.

До сих пор исследователи творчества Некрасова спорят о последовательности расположения частей «Кому на Руси жить хорошо», так как умирающий поэт не успел сделать окончательных распоряжений на этот счет.

Примечательно, что сам этот спор невольно подтверждает эпопейный характер «Кому на Руси жить хорошо». Композиция этого произведения строится по законам классической эпопеи: оно состоит из отдельных, относительно автономных частей и глав. Внешне эти части связаны темой дороги: семь мужиков-правдоискателей странствуют по Руси, пытаясь разрешить не дающий им покоя вопрос: кому на Руси жить хорошо? В «Прологе» как будто бы намечена и четкая схема путешествия – встречи с помещиком, чиновником, купцом, министром и царем. Однако эпопея лишена четкой и однозначной целеустремленности. Некрасов не форсирует действие, не торопится привести его к всеразрешающему итогу. Как эпический художник, он стремится к полноте воссоздания жизни, к выявлению всего многообразия народных характеров, всей непрямоты, всего петляния народных тропинок, путей и дорог.

Мир в эпопейном повествовании предстает таким, каков он есть, – неупорядоченным и неожиданным, лишенным прямолинейного движения. Автор эпопеи допускает «отступления, заходы в прошлое, скачки куда-то вбок, в сторону». По определению современного теоретика литературы Г. Д. Гачева, «эпос похож на ребенка, шествующего по кунсткамере мироздания. Вот его внимание привлек один герой, или здание, или мысль – и автор, забыв обо всем, погружается в него; потом его отвлек другой – и он так же полно отдается ему. Но это не просто композиционный принцип, не просто специфика сюжета в эпосе... Тот, кто, повествуя, делает „отступления“, неожиданно долго задерживается на том или ином предмете; тот, кто поддается соблазну описать и то и это и захлебывается от жадности, греша против темпа повествования, – тот тем самым говорит о расточительности, избытии бытия, о том, что ему (бытию) некуда торопиться. Иначе: он выражает идею, что бытие царит над принципом времени (тогда как драматическая форма, напротив, выпячивает власть времени – недаром там родилось тоже, казалось бы, только „формальное“ требование единства времени)».

Введенные в эпопею «Кому на Руси жить хорошо» сказочные мотивы позволяют Некрасову свободно и непринужденно обращаться со временем и пространством, легко переносить действие из одного конца России в другой, замедлять или ускорять время по сказочным законам. Объединяет эпопею не внешний сюжет, не движение к однозначному результату, а сюжет внутренний: медленно, шаг за шагом проясняется в ней противоречивый, но необратимый рост народного самосознания, еще не пришедшего к итогу, еще находящегося в трудных дорогах исканий. В этом смысле и сюжетно-композиционная рыхлость поэмы не случайна: она выражает своей несобранностью пестроту и многообразие народной жизни, по-разному обдумывающей себя, по-разному оценивающей свое место в мире, свое предназначение.

Стремясь воссоздать движущуюся панораму народной жизни во всей ее полноте, Некрасов использует и все богатство устного народного творчества. Но и фольклорная стихия в эпопее выражает постепенный рост народного самосознания: сказочные мотивы «Пролога» сменяются былинным эпосом, потом лирическими народными песнями в «Крестьянке» и, наконец, песнями Гриши Добросклонова в «Пире на весь мир», стремящимися стать народными и уже частично принятыми и понятыми народом. Мужики прислушиваются к его песням, иногда согласно кивают, но последнюю песню, «Русь», они еще не услышали: он еще не спел ее им. А потому и финал поэмы открыт в будущее, не разрешен.

Быть бы нашим странникам под одну крышею,

Если б знать могли они, что творилось с Гришею.

Но странники не услышали песни «Русь», а значит, еще не поняли, в чем заключается «воплощение счастья народного». Выходит, что Некрасов не допел свою песню не только потому, что смерть помешала. Песни его не допела в те годы сама народная жизнь. Более ста лет прошло с тех пор, а песня, начатая великим поэтом о русском крестьянстве, все еще допевадается. В «Пире» лишь намечен проблеск грядущего счастья, о котором мечтает поэт, сознающий, сколь много дорог впереди до его реального воплощения. Незаконченность «Кому на Руси жить хорошо» принципиальна и художественно значима как признак народной эпопеи.

«Кому на Руси жить хорошо» и в целом, и в каждой из своих частей напоминает крестьянскую мирскую сходку, которая является наиболее полным выражением демократического народного самоуправления. На такой сходке жители одной деревни или нескольких входивших в «мир» деревень решали все вопросы совместной мирской жизни. Сходка не имела ничего общего с современным собранием. На ней отсутствовал председатель, ведущий ход обсуждения. Каждый общинник по желанию вступал в разговор или перепалку, отстаивая свою точку зрения. Вместо голосования действовал принцип общего согласия. Недовольные переубеждались или отступали, и в ходе обсуждения вызревал «мирской приговор». Если общего согласия не получалось, сходка переносилась на следующий день. Постепенно, в ходе жарких споров, вызревало единодушное мнение, искалось и находилось согласие.

Сотрудник некрасовских «Отечественных записок», писатель-народник Н. Н. Златовратский так описывал самобытную крестьянскую жизнь: «Вот уже второй день, как у нас идет сход за сходом. Посмотришь в окно, то в одном, то в другом конце деревни толпятся хозяева, старики, ребятишки: одни сидят, другие стоят перед ними, заложив руки за спины и внимательно кого-то слушая. Этот кто-то махает руками, изгибается всем туловищем, кричит что-то весьма убедительно, замолкает на несколько минут и потом опять принимается убеждать. Но вот вдруг ему возражают, возражают как-то сразу, голоса поднимаются выше и выше, кричат в полное горло, как и подобает для такой обширной залы, каковы окрестные луга и поля, говорят все, не стесняясь никем и ничем, как и подобает свободному сборищу равноправных лиц. Ни малейшего признака официальности. Сам старшина Максим Максимыч стоит где-то сбоку, как самый невидный член нашей общины... Здесь все идет начистоту, все становится ребром; если кто-либо, по малодушию или из расчета, вздумает отделаться умолчанием, его безжалостно выведут на чистую воду. Да и малодушных этих, на особенно важных сходах, бывает очень мало. Я видел самых смирных, самых безответных мужиков, которые <...> на сходах, в минуты общего возбуждения, совершенно преобразались и <...> набирались такой храбрости, что успевали перецеголять заведомо храбрых мужиков. В минуты своего апогея сход делается просто открытой взаимной исповедью и взаимным разоблачением, проявлением самой широкой гласности».

Вся поэма-эпопея Некрасова – это разгорающийся, постепенно набирающий силу мирской сход. Он достигает своей вершины в заключительном «Пире на весь мир». Однако общий «мирской приговор» все-таки не выносится. Намечается лишь путь к нему, многие первоначальные препятствия устранены, по многим пунктам обозначилось движение к общему согласию. Но итога нет, жизнь не остановлена, сходки не прекращены, эпопея открыта в будущее. Для Некрасова здесь важен сам процесс, важно, что крестьянство не только задумалось о смысле жизни, но и отправилось в трудный, долгий путь правдоискательства. Попробуем поближе присмотреться к нему, двигаясь от «Пролога. Части первой» к «Крестьянке», «Последышу» и «Пиру на весь мир».

2

В «Прологе» о встрече семи мужиков повествуется как о большом эпическом событии.

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков...

Так сходились былинные и сказочные герои на битву или на почестей пир. Эпический размах приобретает в поэме время и пространство: действие выносится на всю Русь. Подтянутая губерния, Терпигорев уезд, Пустопорожня волость, деревни Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово, Неурожайна могут быть отнесены к любой из российских губерний, уездов, волостей и деревень. Схвачена общая примета пореформенного разорения. Да и сам вопрос, взволновавший мужиков, касается всей России – крестьянской, дворянской, купеческой. Потому и ссора, возникшая между ними, – не рядовое событие, а *великий спор*. В душе каждого хлебороба, со своей частной судьбой, со своими житейскими интересами, пробудился вопрос, касающийся всех, всего народного мира.

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!

У каждого мужика была своя дорога, и вдруг они нашли дорогу общую: вопрос о счастье объединил народ. И потому перед нами уже не обыкновенные мужики со своей индивидуальной судьбой и личными интересами, а радители за весь крестьянский мир, правдоискатели. Цифра «семь» в фольклоре является магической. *Семь странников* – образ большого эпического масштаба. Сказочный колорит «Пролога» поднимает повествование над житейскими буднями, над крестьянским бытом и придает действию эпическую всеобщность.

Сказочная атмосфера в «Прологе» многозначна. Придавая событиям всенародное звучание, она превращается еще и в удобный для поэта прием характеристики народного самосознания. Заметим, что Некрасов играючи обходится со сказкой. Вообще его обращение с фольклором более свободно и раскованно по сравнению с поэмами «Коробейники» и «Мороз, Красный нос». Да и к народу он относится иначе, часто подшучивает над мужиками, подзадоривает читателей, парадоксально заостряет народный взгляд на вещи, подсмеивается над ограниченностью крестьянского мирозерцания. Интонационный строй повествования в «Кому

на Руси жить хорошо» очень гибок и богат: тут и добродушная авторская улыбка, и снисхождение, и легкая ирония, и горькая шутка, и лирическое сожаление, и скорбь, и раздумье, и призыв. Интонационно-стилистическая многозвучность повествования по-своему отражает новую фазу народной жизни. Перед нами пореформенное крестьянство, порвавшее с неподвижным патриархальным существованием, с вековой житейской и духовной оседлостью. Это уже бродячая Русь с проснувшимся самосознанием, шумная, разноголосая, колючая и неуступчивая, склонная к ссорам и спорам. И автор не стоит от нее в стороне, а превращается в равноправного участника ее жизни. Он то поднимается над спорщиками, то проникается сочувствием к одной из спорящих сторон, то умиляется, то возмущается. Как Русь живет в спорах, в поисках истины, так и автор пребывает в напряженном диалоге с нею.

В литературе о «Кому на Руси жить хорошо» можно встретить утверждение, что открывающий поэму спор семи странников соответствует первоначальному композиционному плану, от которого поэт впоследствии отступил. Уже в первой части произошло отклонение от намеченного сюжета, и вместо встреч с богатыми и знатными правдоискатели начали опрашивать народную толпу.

Но ведь это отклонение сразу же совершается и на «верхнем» уровне. Вместо помещика и чиновника, намеченных мужиками для опроса, почему-то происходит встреча с попом. Случайно ли это?

Заметим прежде всего, что провозглашенная мужиками «формула» спора знаменует не столько первоначальный замысел, сколько уровень народного самосознания, в этом споре проявляющийся. И Некрасов не может не показать читателю его ограниченность: мужики понимают счастье примитивно и сводят его к сытой жизни, материальной обеспеченности. Чего стоит, например, такой кандидат на роль счастливец, каким провозглашается «купчина», да еще «толстопузый»! И за спором мужиков – кому живется весело, вольготно на Руси? – сразу же, но пока еще исподволь, приглушенно, встает другой, гораздо более значительный и важный вопрос, который составляет душу поэмы-эпопеи, – как понимать человеческое счастье, где его искать и в чем оно заключается?

В финальной главе «Пир на весь мир» устами Гриши Добросклонова дается такая оценка современному состоянию народной жизни: «Сбирается с силами русский народ и учится быть гражданином».

По сути, в этой формуле – главный пафос поэмы. Некрасову важно показать, как зреют в народе объединяющие его силы и какую гражданскую направленность они приобретают. Замысел поэмы отнюдь не сводится к тому, чтобы непременно заставить странников осуществить последовательные встречи по намеченной ими программе. Гораздо важнее оказывается здесь совсем иной вопрос: что такое счастье в извечном, православно-христианском его понимании и способен ли русский народ соединить крестьянскую «политику» с христианской моралью?

Поэтому фольклорные мотивы в «Прологе» выполняют двойственную роль. С одной стороны, поэт использует их, чтобы придать зачину произведения высокое эпическое звучание, а с другой – чтобы подчеркнуть ограниченность сознания спорщиков, уклоняющихся в своем представлении о счастье с праведных на лукавые пути. Вспомним, что об этом Некрасов говорил не раз уже давно, например, в одном из вариантов «Песни Еремушке», созданной еще в 1859 году.

Изменяют наслаждения,
Жить не значит – пить и есть.
В мире лучше есть стремления,
Благородней блага есть.
Презирай пути лукавые:
Там разврат и суета.

Чти заветы вечно правые
И учись им у Христа.

Эти же два пути, пропетые над Русью ангелом милосердия в «Пире на весь мир», открываются теперь перед русским народом, празднующим поминки по крепям и встающим перед выбором.

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:
Каким идти?

Эта песня звучит над Русью оживающей из уст посланника самого Творца, и судьба народная будет прямо зависеть от того, на какой путь выйдут странники после долгих блужданий и петляний по русским проселкам.

Пока же поэта радует лишь само желание народа искать правду. А направление этих поисков, соблазн богатством в самом начале пути не может не вызвать горькой иронии. Поэтому сказочный сюжет «Пролога» характеризует еще и невысокий уровень крестьянского сознания, стихийного, смутного, с трудом пробивающегося к всеобщим вопросам. Мысль народная еще не обрела четкости и ясности, она еще слита с природой и выражается подчас не столько в слове, сколько в действии, в поступке: вместо размышления в ход пускаются кулаки.

Мужики еще живут по сказочной формуле: «поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».

Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
...
Наверно б, ночку целую
Так шли – куда, не ведая...

Не потому ли и нарастает в «Прологе» тревожный, демонический элемент. «Баба встречная», «корявая Дурандиха», на глазах у мужиков превращается в хохочущую ведьму. А Пахом долго умом раскидывает, пытаюсь понять, что с ним и его спутниками случилось, пока не приходит к выводу, что «леший шутку славную» над ними подшутил.

В поэме возникает комическое сравнение спора мужиков с боем быков в крестьянском стаде. И заблудившаяся с вечера корова пришла к костру, оставила глаза на мужиков,

Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

На губительность спора, перерастающего в нешуточную драку, откликается природа, причем в лице не столько добрых, сколько зловещих ее сил, представителей народной демонологии, зачисленных в разряд лесной нечисти. На спорящих странников слетаются взглянуть семь филинов: с семи больших деревьев «хохочут полунощники».

И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит и черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!

Переполох нарастает, ширится, охватывает весь лес, и, кажется, сам «дух лесной» хохочет, смеется над мужиками, отзывается на их перепалку и побоище злорадными намерениями.

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.

Конечно, авторская ирония в «Прологе» добродушна и снисходительна. Поэт не хочет строго судить мужиков за убогость и крайнюю ограниченность их представлений о счастье и счастливом человеке. Он знает, что эта ограниченность связана с суровыми буднями жизни крестьянина, с такими материальными лишениями, в которых само страдание принимает порой бездуховные, уродливо-извращенные формы. Это случается всякий раз, когда народ лишается хлеба насущного. Вспомним прозвучавшую в «Пире» песню «Голодная»:

Стоит мужик —
Кольшется,
Идет мужик —
Не дышится!
С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила...

3

И для того чтобы оттенить ограниченность крестьянского понимания счастья, Некрасов сводит странников уже в первой части поэмы-эпопеи не с помещиком и не с чиновником, а с попом. Священник, лицо духовное, по образу жизни наиболее близкое к народу, а по долгу службы призванное хранить тысячелетнюю национальную святыню, очень точно сжимает смутные для самих странников представления о счастье в емкую формулу.

– В чем счастье, по-вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые? —

Они сказали: «Так»...

Конечно, от этой формулы сам священник иронически отстраняется: «Это, други милые, счастье по-вашему!» А затем с наглядной убедительностью опровергает всем жизненным опы-

том наивность каждой ипостаси этой триединой формулы: ни «покой», ни «богатство», ни «честь» не могут быть положены в основание истинно человеческого, христианского понимания счастья.

Рассказ попа заставляет мужиков над многим призадуматься. Расхожая, иронически-снихождительная оценка духовенства обнаруживает тут свою неправду. По законам эпического повествования поэт доверчиво отдается рассказу попа, который строится таким образом, что за личной жизнью одного священника поднимается и встает во весь рост жизнь всего духовного сословия. Поэт не спешит, не торопится с развитием действия, давая герою полную возможность выговорить все, что лежит у него на душе. За жизнью священника открывается на страницах поэмы-эпопеи жизнь всей России в ее прошлом и настоящем, в разных ее сословиях. Здесь и драматические перемены в дворянских усадьбах: уходит в прошлое старая патриархально-дворянская Русь, жившая оседло, в нравах и обычаях близкая к народу. Пореформенное прожигание жизни и разорение дворян разрушило вековые ее устои, уничтожило старую привязанность к родовому деревенскому гнезду. «Как племя иудейское», рассеялись помещики по белу свету, усвоили новые привычки, далекие от русских нравственных традиций и преданий.

В рассказе попа разворачивается перед глазами смекалистых мужиков «цепь великая», в которой все звенья прочно связаны: тронешь одно – отзовется в другом. Драма русского дворянства тянет за собою драму в жизнь духовного сословия. В той же мере эту драму усугубляет и пореформенное оскудение мужика.

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!

Не может быть спокойно духовенство, когда бедствует народ, его поилец и кормилец. И дело тут не только в материальном оскудении крестьянства и дворянства, влекущем оскудение духовного сословия. Главная беда священника в другом. Несчастья мужика приносят глубокие нравственные страдания чутким людям из духовенства: «С таких трудов копейками живиться тяжело!»

Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке

Два медных пятака!

В исповеди попа говорится не только о тех страданиях, которые связаны с общественными «нестроениями» в стране, находящейся в глубоком национальном кризисе. Эти «нестроения», лежащие на поверхности жизни, должны быть устранены, против них возможна и даже необходима праведная общественная борьба. Но есть еще и другие, более глубокие противоречия, связанные с несовершенством самой природы человеческой. Именно эти противоречия обнаруживают суетность и лукавство людей, стремящихся представить жизнь как сплошное удовольствие, как бездумное упоение богатством, честолюбием, самоуспокоенностью, обращающейся равнодушием к ближнему. Поп в своей исповеди наносит сокрушительный удар тем, кто исповедует подобную мораль. Рассказывая о напутствиях больным и умирающим, священник говорит о невозможности душевного спокойствия на этой земле для человека, неравнодушного к ближнему своему:

Иди – куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломалися одни, —
Нет! всякий раз намеется,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..

Получается, что совершенно свободный от страдания, «вольготно, счастливо» живущий человек – это человек тупой, равнодушный, ущербный в нравственном отношении. Жизнь не праздник, а тяжелый труд, не только физический, но и духовный, требующий от человека самоотречения. Ведь такой же идеал утверждал и сам Некрасов в стихотворении «Памяти Добролюбова», идеал высокой гражданственности, отдаваясь которому невозможно не жертвовать собой, не отвергать сознательно «мирские наслаждения». Не потому ли и поп потупился, услышав далекий от христианской правды жизни вопрос мужиков – «сладка ли жизнь поповская», – и с достоинством православного служителя обратился к странникам:

... Православные!
Роптать на Бога грех,
Несу мой крест с терпением...

И весь рассказ его – это, по сути, образец того, как может нести крест каждый человек, готовый жизнь положить «за други своя».

Урок, преподанный странникам священником, еще не пошел им впрок, но тем не менее внес смуту в крестьянское сознание. Мужики дружно ополчились на Луку:

– Что, взял? башка упрямая!

Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
«Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески».

...
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!

Ирония автора при этом не случайна, ведь с таким же успехом можно было «отделать» не только Луку, но и каждого из них в отдельности и всех их вместе. За мужицкой бранью здесь снова следует тень Некрасова, который подсмеивается над ограниченностью первоначальных представлений народа о счастье. И не случайно, что после встречи с попом характер поведения и образ мыслей странников существенно изменяются. Они становятся все более активными в диалогах, все более энергично вмешиваются в жизнь. Да и внимание странников все более властно начинает захватывать не мир господ, а народная среда.

4

В «Сельской ярмонке» странники приглядываются к народной толпе, являющейся главным действующим лицом. Поэт любит вместе с ними хмельным, горластым, праздничным народным морем. Этот разгул народной души открывается яркой картиной купания богатырского коня. Черты богатырства подмечаются Некрасовым и в собирательном образе сельской ярмонки. Широка, многолика, стоголоса и безбрежна крестьянская душа. В ней нет середины и меры, в ней все на пределе: если уж радость – так безудержная, если покаяние – так безутешное, если пьянство – так бесшабашное. Поэт не скрывает и здесь ограниченности крестьянского сознания. Оно находится еще в плену жестоких суеверий. Не скрывает и убогости эстетических вкусов народа: торговцы выбирают на потребу мужиков изображение «сановника За брюхо с бочку винную И за семнадцать звезд». Порой Некрасов не выдерживает, вмешивается в повествование, произносит обращенный к читателю монолог:

Эх! Эх! Придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Но тут же рядом поэт восхищается народной отзывчивостью на чужую беду в эпизоде с пропившимся Вавилушкой, народной чуткостью к бескорыстной доброте Павлуши Веретенникова, выручившего деньгами беспутного мужика.

Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

В «Сельской ярмонке» раскрывается не только душевная щедрость, но и природная одаренность народного характера. Как смотрят мужики комедию, разыгрываемую в балагане Петрушкою? Они не пассивные зрители, а живые участники театрального действия. Они «хохочут, утешаются И часто в речь Петрушкину Вставляют слово меткое, Какого не придумаешь, Хоть проглоти перо!».

В третьей главе «Пьяная ночь» праздничный пир достигает кульминации. Атмосфера праздничного разгула постепенно становится драматически напряженной, взрывоопасной. То тут, то там вспыхивают ссоры.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная волна.

Ожидается грозное разрешение, разрядка. И вот в финале «Пьяной ночи» оно происходит. Самим движением народного мира подготовлено появление из его глубины сильного крестьянского характера, Якима Нагого. Он предстает перед читателем как сын матери сырой земли, как символ трудовых основ крестьянской жизни: «У глаз, у рта Излучины, как трещины На высохшей земле», «шея бурая, Как пласт, сохой отрезанный», «Рука – кора древесная, А волосы – песок». Яким уже не поддакивает барину, Павлуше Веретенникову. Он мужик бывалый, в прошлом занимавшийся отхожим промыслом, поживший в городах. У него есть свое, крестьянское представление о сути народной жизни, свое, крестьянское чувство собственного достоинства. В ответ на упрек Веретенникова народу в пьянстве Яким достойно и дерзко обрывает барина:

Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
...
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.

Отстаивая трудом завоеванное чувство крестьянской гордости, Яким видит и общественную несправедливость по отношению к народу:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

Но за этими словами стоит и крестьянское сознание значительности труда хлебороба как первоосновы и источника жизни всех сословий русского общества. Наконец, в устах Якима о народной душе звучит и грозное предупреждение:

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна – и надо бы

Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!

Пока все вином кончается, но Яким неспроста предупреждает, что придет «беда великая, как перестанем пить», что парни и молодухи «удаль молодецкую про случай сберегли». И народный мир отзывается на предостережения Якима удалой и согласной песней.

Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Наконец с Якимом Нагим случается история, которая ставит под сомнение провозглашенный странниками собственнический, денежный критерий счастья. Но только теперь это делает не священник, а сам крестьянский мир. Во время пожара Яким бросается в избу спасать любимые им картиночки, а жена его – иконы. И только потом крестьянская семья вспоминает о «богачестве», скопленном в течение всей многотрудной жизни. Сгорел дом – «слились в комок целковики».

«Ой, брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их небось?»

– Повесил – есть и новые, —
Сказал Яким – и смолк.

Картиночки да иконы оказались дороже целковых, хлеб духовный – выше хлеба земного. Начиная с главы «Счастливые» в направлении поисков счастливого человека намечается поворот. По собственной инициативе к странникам подходят «счастливыцы» из низов. У большинства из них велик соблазн хлебнуть вина бесплатного. Но сам факт их появления знаменателен: вопрос, озадачивший странников, оказывается доступным и близким всем мужикам. Внимание странников все более и более захватывает многоголосая народная Русь. Звучат рассказы-исповеди дворовых людей, солдат, каменотесов, охотников. Все мужицкое царство вовлекается в диалог, в спор о счастье. Конечно, «счастливыцы» эти таковы, что странники, увидев опустевшее ведро, с горькой иронией восклицают:

«Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

Но в финале главы звучит рассказ о счастливом человеке, подвигающий действие вперед, знаменующий более высокий уровень народных представлений о подлинных и мнимых жизненных ценностях. Ермил – «не князь, не граф сиятельный, А просто он – мужик». Но по своему характеру и по влиянию на крестьянскую жизнь он посильнее и поавторитетнее любого графа. Сила его заключается не в богатстве, а в доверии народного мира и в опоре Ермилы Гирина на этот мир. Поэтизируется богатырство народа, когда он действует сообща. Рассказ о Ермиле начинается с описания тяжбы героя с купцом Алтынниковым из-за сиротской мельницы. Когда в конце торга «вышло дело дрянь» – с Ермилом денег не было, – он обратился к народу за поддержкой.

И чудо сотворилось —
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!

Это первый случай в поэме, когда народный мир одним порывом, одним единодушным усилием одерживает победу над неправдою.

Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны...

Подобно Якиму, Ермил наделен острым чувством христианской совестливости. Лишь однажды он оступился – выгородил из рекрутчины «меньшого брата Митрия». Но этот поступок стоил праведнику жестоких мучений и завершился всенародным покаянием, еще более укрепившим его авторитет. Совесть Ермила не исключительна: она является выражением наиболее характерных особенностей крестьянского мира в целом. Вспомним, как Ермил рассчитывался с мужиками за мирской их долг, собранный без всякой записи на базарной площади.

Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще – он сам рассказывал —
Рубль лишний, чей – Бог ведает! —
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал,
Чей рубль? да не нашел.

Всей жизнью своей Ермил опровергает первоначальные представления странников о сути человеческого счастья. Казалось бы, он имеет все, «что надобно для счастья: и спокойствие, и деньги, и почет». Но в критическую минуту жизни Ермил этим «счастьем» жертвует

ради правды народной, ради заступничества за ближних и попадает в острог. Значит, счастье не в спокойствии, не в деньгах и не в почете, а в чем-то другом. Постепенно в сознании крестьянства рождается идеал подвижника в мирском, гражданском варианте, человека, радеющего за народные интересы.

В пятой главе первой части «Помещик» странники относятся к господам уже с явной иронией. Хотя помещик и выставляет себя перед мужиками их защитником и благодетелем, странники ему не верят и над ним подсмеиваются. Они уже понимают, что дворянская «честь» не многого стоит.

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
– Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!

На глазах меняются странники! Они заговорили теперь с барином так же дерзко и раскованно, как и Яким Нагой. Но даже не это более всего удивляет Оболта-Оболдуева, помещика, хорошо знающего прежнего, крепостного мужика. Его приводит в изумление, что бывшие крепостные взвалили на себя теперь бремя исторического вопроса: кому на Руси жить хорошо? Это так неожиданно для барина, что он, как лекарь, руку каждому из мужиков пощупал: уж не больны ли они, не «тронулись» ли? Почему? Да потому, что вчерашние «рабы» взялись за решение проблем, которые издревле считались дворянской привилегией. В заботах о судьбе Отечества и граждан его видело дворянство русское свое историческое предназначение и после отмены крепостного права. А тут вдруг эту единственную миссию, оправдывающую его существование, у дворянства перехватили мужики. Вот почему,

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

За желчной иронией Оболта-Оболдуева скрывается горькая для него жизненная правда: судьба помещичья теперь оказывается зависимой от этих мужиков, ставших *гражданами* России. «И мне присесть изволите?» – обращается вчерашний господин с вопросом к вчерашним своим «рабам».

Глава «Помещик» в отличие от главы «Поп» более драматична. Исповедь Гаврилы Афанасьевича, глубоко лирическая, многоплановая и субъективно честная, все время корректируется ироническими репликами мужиков, снижающих ее возвышенный пафос. Монолог помещика Некрасов выдерживает от начала до конца в традициях эпопеи: речь идет не столько об индивидуальном характере Оболта-Оболдуева, сколько о дворянском сословии вообще. Поэтому рассказ помещика включает в себя не только «удар искросыпительный», но и поэзию старых дворянских усадеб с их русским хлебосольством, с общими для дворян и мужиков утехами, и тысячелетнюю историю дворянства, и серьезные раздумья над современным состоянием русской жизни, в чем-то близкие авторским.

На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,

Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».

Как замечает современный исследователь эпопеи Некрасова Н. Н. Скатов, «такой емкий образ вряд ли можно было бы найти в романе, повести или драме. Этот образ эпический, который тоже представляет своеобразную энциклопедию помещичьего сословия, но включенный именно в народную поэму, оцененную народным умом. Потому-то весь рассказ помещика спроецирован на крестьянское восприятие и постоянно корректируется им. Мужики здесь не пассивные слушатели. Они расставляют акценты, вмешиваясь в помещичью речь редко, да метко. Недаром рассказ помещика и всю эту последнюю главу первой части завершает мужицкое слово, мужицкий приговор:

«Порвалась цепь великая,
Порвалась – раскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

Как и в случае с попом, повествование помещика и о помещике не есть простое обличение. Оно также об общем, катастрофическом, всех захватившем кризисе. И о том, что народ есть в этом положении сила единственно здоровая, умная, красивая, – условие развития страны и обновления жизни. Потому-то в последующих частях поэмы Некрасов оставляет намеченную сюжетную схему (поп, помещик, купец...) и художественно исследует то, что и составляет суть и условие эпического произведения, народной поэмы – «жизнь и поэзию народа в их неисчерпаемости».

5

«Крестьянка» подхватывает тему дворянского оскудения, впервые прозвучавшую в главе «Поп» и развернутую в главе «Помещик». Странники попадают в разоряющуюся дворянскую усадьбу: «Помещик за границую, А управитель при смерти!..» Толпа отпущенных на волю, но совершенно не приспособленных к труду на земле дворовых растаскивает потихоньку господское добро. На фоне вопиющей разрухи, развала и бесхозяйственности трудовая крестьянская Русь воспринимается как созидательная и жизнеутверждающая сила.

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц...

В центре этой толпы, воплощая в себе лучшие качества русского женского характера, предстает перед странниками Матрена Тимофеевна.

...Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,

Ресницы богатейшие,
Сухова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

Воссоздается тип «величавой славянки», крестьянки среднерусской полосы, наделенной строгой, аристократической красотой, исполненный чувства собственного достоинства. Этот тип крестьянки не был повсеместным. История жизни Матрены Тимофеевны подтверждает, что он формировался в условиях отхожих промыслов, в краю, где большая часть мужского населения уходила в города. На плечи крестьянки ложилась не только вся тяжесть крестьянского труда, но и вся мера ответственности за судьбу семьи, за воспитание детей. Суровые условия оттачивали особый женский характер, гордый и независимый, привыкший везде и во всем полагаться на свои собственные силы.

Рассказ Матрены Тимофеевны о своей жизни строится по общим для эпопеи законам повествования. «„Крестьянка“, – замечает Н. Н. Скатов, – единственная часть, вся написанная от первого лица. Однако это рассказ отнюдь не только о ее частной доле. Голос Матрены Тимофеевны – это голос самого народа. Потому-то она чаще поет, чем рассказывает, и поет песни, не изобретенные для нее Некрасовым. „Крестьянка“ – самая фольклорная часть поэмы, она почти сплошь построена на народно-поэтических образах и мотивах.

Уже первая глава – „До замужества“ – не простое повествование, а как бы совершающийся на наших глазах традиционный обряд крестьянского сватовства. Свадебные причеты и заплачки – „По избам снаряжаются“, „Спасибо жаркой баенке“, „Велел родимый батюшка“ и другие – основаны на подлинно народных. Таким образом, рассказывая о своем замужестве, Матрена Тимофеевна рассказывает о замужестве любой крестьянки, обо всем их великом множестве.

Вторая же глава так и названа – „Песни“. И песни, которые здесь поются, опять-таки песни общенародные. Личная судьба некрасовской героини все время расширяется до пределов общерусских, не переставая в то же время быть ее собственной судьбой. Ее характер, вырастая из общенародного, совсем в нем не уничтожается, ее личность, тесно связанная с массой, не растворяется в ней.

Матрена Тимофеевна, добившись освобождения мужа, не оказалась солдаткой, но ее горькие раздумья о предстоящем рекрутстве мужа позволили Некрасову „прибавить о положении солдатки“.

Действительно, образ Матрены Тимофеевны создан так, что она как бы все испытала и побывала во всех состояниях, в каких могла побывать русская женщина».

И в этой ее способности войти в положение разных людей, пережить одновременно со своей жизнью жизнь, страдания и радости других русских женщин, проявляется широкая и щедрая душа талантливой женщины из народа, умеющей переноситься сердцем в другого человека, брать на себя чужие страдания и чужую боль.

По-своему обращается Матрена Тимофеевна и с духовным богатством народа – с фольклором. Иногда мы слышим из ее уст готовые народные песни, но чаще всего она «примери-вает на себя» традиционные фольклорные образы и ситуации, индивидуализируя и творчески переосмысливая их. Мотивы традиционных крестьянских плачей вплетаются в речь Матрены Тимофеевны, как краски, сходящие с палитры художника на индивидуально-неповторимое живописное полотно. Некрасов показывает, как устное народное творчество живет, обновляется и одновременно участвует в формировании одаренной народной личности, как обобщенный фольклорный образ, созданный народным гением, возвращается в жизнь, обогащается индивидуальным образом «счастливицы». «Эти два образа, – пишет исследователь эпопеи

Некрасова В. Г. Прокшин, – сливаются друг с другом, образуют художественное единство индивидуального и эпопейного».

Так добивается Некрасов укрупнения эпического характера: сквозь индивидуальное и частное просвечивают общерусские его черты. В эпосе это укрупнение осуществляется еще и через внутренние связи и переключки между разными частями и главами: то, что лишь намечено в одной из них, часто углубляется и разворачивается в другой. В начале «Крестьянки» раскрывается заявленная в «Попе» и продолженная в «Помещике» тема дворянского оскудения. Обозначенный в исповеди попа рассказ о том, «какой ценой поповичем Священство покупается», подхватывается в описании детских и юношеских лет Григория Добросклонова.

От главы к главе нарастает в поэме мотив народного богатства, пока не разрешается в «Крестьянке» рассказом о Савелии – богатыре святорусском, костромском крестьянине, выросшем в глухом лесном краю у Корёги-реки. Название «корёжский край» привлекало Некрасова как символ трудовой выносливости и неизбежной физической силы народа-богатыря. Даже внешний вид Савелия олицетворяет могучую лесную стихию, обладающую громадной силой терпения и не менее громадной силой сопротивления всякому насилию, всякому давлению извне:

С большущей сивой гривую,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.

Нельзя не заметить в этой силе мужика-богатыря и что-то природно-первобытное, пугающе-непредсказуемое. Он терпел и «дрань» Шалашникова, и козни немца-управляющего, терпел долго. Но когда лопнуло терпение, он же первым и произнес свое бунтарское: «Наддай!» Столкнув ненавистного Фогеля в яму, мужики-землекопы так «наддали», что в секунду сровняли яму с землей.

Савелий – первый в поэме открытый борец с несправедливостью. Но в грозной силе его есть изъян: физическая мощь лишена нравственной просветленности и одухотворенности. Жизненная философия Савелия основана на поэтизации стихийного возмущения как результата стихийного долготерпения: «Недотерпеть – пропасть, перетерпеть – пропасть». Он познал и острог в Буй-городе, и сибирскую каторгу. И когда его называют «клейменным, каторжным», он отвечает весело: «Клейменный, да не раб!»

В терпении народном Савелий видит воплощение несломленных, бурлящих в глубине до времени, бунтующих народных сил.

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней – сломались.

А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!

Но богатырь этот сравнивается в поэме не с христианином Ильёю Муромцем, а с язычником Святогором – самым сильным, но и самым неподвижным богатырем былинного эпоса, ставшим жертвой своей собственной непомерной силушки. Не случайно Матрена Тимофеевна в ответ на рассуждения Савелия замечает иронически:

«Ты шутишь шутки, дедушка! —
Сказала я. – Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!»

Трагедия, случившаяся с Савелием, когда он не уследил любимого внука Демушку, смягчает сердце богатыря. Смерть мальчика он воспринимает как наказание за прошлый грех убийства. Из бунтаря в финале поэмы он превращается в религиозного подвижника, уходящего на покаяние в Песочный монастырь.

Пришел я из Песочного...
Молюсь за Дему бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!

Но и религиозное подвижничество Савелия отмечено крайностью резкого перехода от стихийного бунтарства к безграничному долготерпению и смирению со всем, в том числе и с тяжким общественным грехом крепостничества.

Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти.

«Да почему же, дедушка?»

– Ты – крепостная женщина! —
Савельюшка сказал.

Матрена Тимофеевна по мужеству и жизнестойкости – ровня Савелию-богатырю. Но есть в ее характере и явное преимущество: она не терпит – она действует, борется с жизненным злом, ищет и находит выходы из самых драматических обстоятельств. Если в «Морозе, Красном носе» Некрасов с горечью говорил об измелчании «величавой славянки» («Ты вся – воплощенный испуг, ты вся – вековая истома»), то в «Кому на Руси жить хорошо» эта славянка вернулась в лице Матрены Тимофеевны, сильной духом, волевой женщины, которая говорит о себе:

Я потувленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Деятельный характер Матрены отнюдь не противоречит ее религиозности. Вспомним, как в трудную минуту жизни, отправляясь в губернский город спасти мужа от рекрутчины, она молится в зимнем поле, на белоснежной равнине, под звездами, обращаясь к Матери Божией, Владычице и Заступнице народной, касаясь снежной скатерти горящей головой:

«Открой мне, Матерь Божия,
Чем Бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченной, —
Терплю и не ропшу!
Всю силу, Богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!

Подобно Достоевскому и другим классикам русской литературы, Некрасов спорит с тем мироотречным уклоном в православии, который проявлялся и у деятелей русской церкви, и в народной среде. Став религиозным подвижником в конце жизненного пути, Савелий готов отвернуться от грешной земли как юдоли плача и страданий и проповедовать полное смирение со злом мира сего. Некрасов в поэме утверждает другие, освященные христианским верованием активные формы противостояния злу, вплоть до пресечения его силой. Обращаясь к народу, он говорит: «Чем хуже был бы твой удел, Когда б ты менее терпел?» Социальная пассивность духовенства тоже наводит его на грустные мысли, особенно в пореформенную эпоху.

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие,
Те же попы по церквам.

При этом народный поэт не отступает от традиций отечественного благочестия. Известно, что основатель русского монашества св. Феодосий Печерский не чуждался участия в политических делах. Когда сильными мира сего предавалась поруганию правда-истина, он забывал о кротости и смирении, гневно обличая их. Он отказался принять и благословить самого князя Святослава, силой захватившего великокняжеский престол у своего брата.

Некрасов в то же время не разделяет те формы борьбы со злом, которые утверждаются практикой современного ему революционного движения. Он и в мыслях не допускает революционного насилия, не контролируемого высшими нравственными принципами, не принимаемая политики, не освященной духовными ценностями Евангелия. В легенде «О двух великих грешниках» из «Пира на весь мир» поэт наиболее зримо очертил те пределы, которые позволяют христианину поднять меч и пресечь зло силой.

Говоря о врагах, которым нужно прощать все, Христос имел в виду *личных* врагов человека, но отнюдь не врагов Божиих. Призывая терпеть личные обиды и прощать людей, их причиняющих, Христос никогда не призывал благословлять тех, кто ненавидит и попирает все святыни. «И если бы христианин когда-нибудь усомнился в этом, – говорит русский мыслитель Иван Ильин, – то ему достаточно было бы вспомнить о тех громах, которые божественно гремели над фарисеями и книжниками, над торговцами в храме, над Иерусалимом, избивающим пророков своих, и над теми, кто соблазняет малолетних».

Пан Глуховский – наглядное воплощение доведенной до предельной степени извращенности человеческой души, прельстившейся всеми греховными соблазнами. Это одержимый извращенным сластолюбием погубитель и растлитель человеческих душ. Схимник и трудник Кудеяр, не теряя надежды на возможность и его спасения, в поучение великому грешнику рассказывает историю своей жизни, своего покаяния и возврата на Христовы пути. Но когда в

ответ слышится сатанинский хохот растлителя и циничная, попирающая все святое похвальба,

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

А вслед за этим чудом совершается второе: падает дерево, которое трудническим подвигом, по обету, подтачивал ножом монах.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Слава Творцу вездесущему
Днесь и во веки веков!

«Чудо с отшельником сталося», потому что в душе своей он ощутил не личную обиду, а Божий гнев, гнев не за себя, не за личное оскорбление, а за хулу на святыню, за издевательство над Богом и ближними.

Конечно, Некрасов спорит в легенде с теми представителями послепетровской церкви, с теми воспитанными ею православными христианами, которые абсолютизировали долготерпение, непотворение злу, упрощая или односторонне толкуя смысл заповедей Спасителя. Не исключено, что и сам Некрасов в этой полемике перегибает палку в противоположную сторону.

Христианину Савелию, проповедующему пассивное непотворение и смирение с царящим в мире злом, противостоит в поэме христианка Матрена Тимофеевна, глубоко убежденная в том, что «вера без дела мертва», что цель и призвание христианина на этой земле – активное добро, заступничество за правду, отстаивание достоинства тех, кто страдает от несправедливых обид и унижений. При этом Матрена менее всего думает о себе, целиком отдаваясь праведному труду, семье, заступничеству за пострадавших и оскорбленных.

Так постепенно, по мере смены событий и героев, в поэме складывается, вызревает образ иного «счастливец», чем тот, которого ищут странники. Таким счастливецом окажется борец за высшую правду, за духовные святыни, за народные интересы. От Якима Нагого – к Ермилу Гирину, от Ермилы – к Савелию и далее к Матрене – по нарастающей – созревают предпосылки к появлению яркой народной индивидуальности, ищущей счастье не в том направлении, не на тех путях, по которым решились идти опрометчиво мужики-правдоискатели.

Далеко не случайно, по-видимому, колебался Некрасов в момент работы над «Крестьянкой» по поводу места этой части в художественном целом еще не сложившейся в его воображении поэмы-эпопеи. В черновом автографе у него встречается помета «из второй части», вполне оправданная самим развитием сюжета. Встречаясь с Матреной Тимофеевной, странники говорят:

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!

«Ясно, – писал П. Н. Сакулин, – что „Крестьянка“ должна идти за 1 частью, непосредственно за главою „Помещик“, и составлять, значит, часть вторую».

Правда, некоторые исследователи указывали, что тут нарушается календарь сельскохозяйственных работ, естественное течение времен года: в «Первой части» – ранняя весна, в

«Последыше» – сенокос, а в «Крестьянке» – осенняя уборка хлебов. Если «Крестьянку» поставить перед «Последышем», – эта естественность нарушится.

Но ведь в поэме Некрасова – не простое время, а условное, сказочное. На него прямо ссылается поэт, рассказывая о пути странников к Матрене Тимофеевне:

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.

А обращаясь к Матрене, странники говорят: «Полцарства мы промеряли». При таком условно-сказочном масштабе странствия образ времени в поэме принимает, конечно, фантастический характер, не соответствующий реалистической хронологии.

Смертельно больной Некрасов, стремясь закрепить созревший в его воображении замысел финала, специально указывал, что финал этот сюжетно связан с главой «Последыш» и должен идти после нее. Что же касается подзаголовка «Крестьянки» «из третьей части», то, как справедливо полагает В. Г. Прокшин, «работа над эпопеей продолжалась, и порядок расположения частей Некрасов мог изменить, подобно тому как это сделал Лермонтов в окончательном варианте романа „Герой нашего времени“, не посчитавшись с последовательностью создания и публикаций вошедших в него частей». Такой же точки зрения, правда иначе аргументированной, придерживался другой авторитетный исследователь Некрасова – Б. Я. Бухштаб.

6

После «Крестьянки» в поэме намечается очевидный поворот в направлении народных поисков. Внимание странников переключается от персональных «счастливицев» к народному миру в целом. На вопрос Власа в «Последыше»: «О чем же вы хлопчете?» – странники отвечают не привычной формулой спора, а совсем иной:

Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошеной волости,
Избытка села!

Теперь у Некрасова предстанет в движении и развитии, в духовном становлении и росте не отдельная народная индивидуальность, а собирательный образ крестьянского мира.

В «Последыше» мужики деревни Большие Вахлаки разыгрывают после реформы «камедь» подчинения выжившему из ума князю Утятину, соблазнившись посулами его наел едников-сыновей. Некрасов создает сатирический образ тех полукрепостнических отношений, которые установились между помещиками и крестьянами после реформы 1861 года, когда крестьяне на многие десятки лет остались в фактической зависимости от господ. В начале «Последыша» вновь звучит сквозная в эпопее тема народного богатырства:

«Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч. —
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном – на стогу;

Он пил, а баба с вилами,
Здравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поравнялися —
Все пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полета,
Все разом оглянулись:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята...

Так создается почти скульптурный памятник, олицетворяющий неистощимую силу и мощь крестьянского мира. Но в резком контрасте с этим мажорным вступлением оказывается поведение мужиков, играющих роль добровольных рабов перед напоминающим Лихо Одноглазое вымороченным князем Утятиним.

Вначале эта «камедь», эта фальшивая игра в покорность вызывает улыбку читателя. Тут есть и артисты вроде мнимого бурмистра Клима Лавина, с каким-то упоением входящего в назначенную ему роль:

«Отцы!» – сказал Клим Яковлич
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем
При мысли о помещиках
Заликовала вдруг...

Но чем долее продолжается игра, тем чаще в ней проскальзывают черты правдоподобия. Возникает сомнение: игра ли это? Уж слишком похожа она на правду. Сомнение подтверждается как словами Пахома: «Не только над помещиком, Привычка над крестьянином Сильна», – так и реальными поступками вахлаков. Вот мужики идут посмотреть на комедию, которая будет разыграна с приездом князя Уятинина, но встают «почтительно поодаль от господ». Вот Клим входит в очередной раж и произносит очередную фальшивую, верноподданническую речь, но у дворового человека вместо смеха «слезы катятся по старому лицу». А рядом с этими произвольными проявлениями холопства встает холопство Ипата – уже по призыванию и убеждению. Да и самый главный шут Клим Лавин в минуту откровения говорит:

Эх, Влас Ильич! где враки-то?
...
Не в их руках мы, что ль?..

Временами комедия превращается в жестокую, трагическую игру, убийственно действуя на Агапа Петрова – человека с проснувшимся и еще не окрепшим чувством собственного достоинства. И если сперва вахлакам кажется, что они потешаются над помещиком, то вскоре выясняется, что в действительности они унижают самих себя. Неспроста говорит мудрый Влас разыгравшемуся шуту Климке Лавину:

Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни – вся вотчина...
(Да... все крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,

Не три-четыре месяца,
А целый век... Да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром Вахлаки!

Против мужиков оборачивается их наивная вера в сыновей князя Утятина, «гвардейцев черноусых», посуливших за вахлацкую комедию поёмные луга. Умирает Последыш,

А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются дондесь...

Сюжетно «Пир на весь мир» – продолжение «Последыша»: вахлаки после смерти князя Утятина справляют «поминки по крепям». Но по существу в «Пире» изображается принципиально иное состояние мира. Это уже проснувшаяся и разом заговорившая народная Русь. В праздничный пир духовного пробуждения вовлекаются новые и новые герои: весь народ поет песни освобождения, вершит суд над прошлым, оценивает настоящее и начинает задумываться о будущем. Далеко не однозначны эти песни на всенародной сходке. Иногда они контрастны по отношению друг к другу, как, например, рассказ «Про холопа примерного – Якова верного», рисующий холопский путь протеста против господского святотатства, и легенда «О двух великих грешниках», в которой народ пытается найти христианское оправдание самым крайним формам борьбы с растлителями народных святынь. В уныние приводит народный мир рассказ о грехе крестьянина Глеба, предавшего своих же братьев мужиков. Об осознании непростительности такого греха свидетельствует та беспощадность, с которой вахлаки теперь преследуют другого предателя – Егорку Шутова.

Однако сама противоречивость и пестрота исполняемых народом песен, сама их разногласия свидетельствует, что та «песня», которая объединит проснувшуюся и освободившуюся от крепей народную Русь, еще не созрела в народных сердцах – она еще впереди.

7

Но именно на волне народного духовного подъема входит в поэму последний «народный заступник» в поэзии Некрасова. Из многоголосья спорящих, сталкивающихся друг с другом, подчас разноречивых народных песен, поднимаясь над ними, начинают звучать песни Гриши Добросклонова, народного интеллигента, из которого несколько поколений русских читателей и почитателей Некрасова пытались сделать революционера. Как-то не принималось во внимание, что Некрасов приступил к работе над образом Гриши Добросклонова в период разгрома народников-вспышкочапушек, тщетно пытавшихся путем так называемой летучей пропаганды звать Русь к топору. Как-то забывалось, что именно ко второй половине 1870-х годов на смену «ряженым» ходокам в народ с революционными целями пришла новая смена русской интеллигенции из земских учреждений: школ, больниц, агрономических обществ, сельского духовенства. Их целью была повседневная и кропотливая созидательная работа по культурному подъему деревни. С надеждой присматривался к этой молодежи Некрасов. В своей поэме он попытался дать идеальный образ нового русского интеллигента, целиком отдающего себя народному служению, живущего «для счастья Убогого и темного Родного уголка». Этот тип счастливица-жизнеустроителя во многом перекликается с Якимом Нагим и Ермилой Гириным, несет в своей душе что-то от Савелия, что-то от Матрены или своего крестного отца – деревенского Власа-старосты. В характере нового общественного деятеля Некрасов еще решительнее

подчеркивает народно-христианские его истоки, ориентируется на традиции отечественного благочестия.

Создавая образ Гриши Добросклонова, поэт, по-видимому, держал в уме в качестве одного из его прототипов не только личность Добролюбова, но и свойственную русскому идеалу святости преобладающую черту – добротолубие, неискоренимое убеждение, что не может быть истинной веры и истинной святости без добрых дел.

Некрасов конечно же был знаком с житием очень чтимого на Руси святителя Тихона Задонского, которое издавалось при жизни поэта неоднократно – дважды в 1862 году, затем – в 1866-м. Наконец, в 1873 году в Петербурге вышел труд В. Михайловского «Святой Тихон, епископ воронежский и задонский». Не исключено, что некоторые подробности и штрихи его жития Некрасов использовал в описании детских и юношеских лет Григория Добросклонова. Св. Тихон родился в 1724 году в селе Короцке Валдайского уезда Новгородской губернии, в доме бедного дьячка Савелия Кириллова. Семья его терпела страшную нужду и спасалась от голодной смерти благодаря помощи крестьян-односельцев. Крестьянский образ жизни, нравственные устои деревенского мира оказали огромное влияние на формирование личности святителя. Прежде всего – нестяжательство, труд, удовлетворяющий скромные потребности человека в хлебе насущном, затем – любовь к ближнему, терпящему нужду или беду, постоянная готовность прийти к нему на помощь.

Некрасов тоже делает своего героя не сыном городского дьякона или священника, какими были Чернышевский и Добролюбов, а сыном бедного сельского дьячка. Идеал будущей России в сознании Гриши Добросклонова связан с теми же христианскими идеями нестяжательства и скромного достатка.

Мы же немного
Просим у Бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!..

Житие св. Тихона Задонского показывает, что в духовном облике праведника постоянно сказывалось его крестьянское происхождение. Святитель не любил философствований, отвлеченных догматических рассуждений. Он считал, что истинная святость должна проявляться в деятельном добре, в живом практическом поступке. В своей инструкции семинаристам он внушал, что идеалом пастырского служения является постоянный подвиг ради ближних, составляющий основу священнического труда. Богатство он считал Божией собственностью, а владельца – не хозяином, а распорядителем этой собственности – работником у Бога. Простой народ видел в св. Тихоне «отца и ходатая» перед сильными мира сего. Никогда не забывал

праведник, что родился и вырос он среди бедных крестьян, и всю жизнь оставался их заступником от притеснений жестоких и несправедливых господ, защитником несчастных, особенно невинно осужденных.

Некрасов тоже подчеркивает народно-крестьянские основы добротолубия своего юного праведника. Недаром крестным отцом его является Влас, который добрейшей душой своей «Болел за всю вахлячину – Не за одну семью». И в сердце Григория «С любовью к бедной матери Любовь ко всей вахлячине Слилась». Ведь именно крестный Влас и другие сердобольные вахлаки не дали семье дьячка Трифона умереть с голоду.

В числе наставников отрока упоминается и учитель в духовной семинарии, отец Аполлинарий, народолюбец и патриот. Его мудрость тоже входит в финальную песню «Русь», сочиненную Гришей:

«Издревле Русь спасалася
Народными порывами».
(Народ с Ильею Муромцем
Сравнил ученый поп.)

Знаменательно, что любимым евангельским образом святителя Тихона в его проповедях и нравственно-богословских трудах была «притча о сеятеле», та самая, которая лейтмотивом прошла через все творчество Некрасова от поэмы «Саша» до «Кому на Руси жить хорошо». Близкими к духовным идеалам Некрасова-поэта оказались и суждения св. Тихона о святости, которую он называл «хриstopодражательным житием».

Исследователь творчества Некрасова Н. Н. Скатов отмечает, что во внутреннем облике некрасовских «сеятелей» по мере творческого развития поэта нарастают народно-христианские и святоотеческие черты, что «идеал гражданина, высшего человека, героя менялся у Некрасова, все более приобретая качества высшей духовности и идеальности, абсолютизируясь и даже осеняясь именем Христа».

Одновременно с этим расширялась, демократизировалась и та социальная среда, из которой выходили и на которую опирались его «народные заступники». В «Кому на Руси жить хорошо» поэт впервые показал рождение народного заступника не из высших слоев общества, а из самой крестьянской среды, составлявшей в эпоху Некрасова коренную основу национальной жизни.

Претерпело заметную эволюцию и представление Некрасова о роли героической личности в истории. В начале 1860-х годов поэт в «сеятелях» видел первопричину движения истории, без них, считал он, «заглохла б нива жизни». В «Пире» Некрасов связывает надежды на перемены не с исключительной личностью, а с ангелом милосердия, который будит восприимчивые души людей из народа и зовет их с путей лукавых на иные, узкие пути:

Над Русью оживающей
Иная песня слышится,
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь...

Некрасов долго, упорно работает над этим ключевым моментом поэмы. В черновиках ее встречаются разные варианты. Один из них звучит так:

То ангел милосердия

Уже незримо носится
Над бедными селеньями,
Соломою покрытыми,
И песней тихой, ласковой,
Лишь избранному слышимой,
Сзывает души чистые
На трудную борьбу.

В другом варианте еще более усиливается мотив богоизбранности Григория Добросклонова:

Пел ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над Русью, песню чудную
И пламенным крылом
Коснулся чутко спящего
Восторженного отрока —
И отрок стал певцом!

Но в окончательном тексте Некрасов снял мысль о богоизбранности лишь одного, великого и исключительного человека. Ангел милосердия зовет у него теперь на честные пути не одну, а множество сильных душ. Призывная песня, которую он исполняет, песня о двух путях, широком и узком, и о двух диаметрально противоположных нравственных установках (торной дороге соблазнов и тесной дороге на бой и труд за угнетенных и обиженных) восходит к известным словам Иисуса Христа: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф., гл. 7, § 13–14).

Народные заступники у Некрасова по-прежнему остаются людьми, отмеченными «печатью дара Божьего», и по-прежнему судьба их подобна комете – «падучей звезде». Но круг их расширяется – и не только количественно: происходит качественное обновление, в него все более активно включаются выходцы из самого народа:

Встали – не бужены,
Вышли – не прошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!
Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Встали те, которых никакие «сеятели» не будили: их пробуждение произошло не по людскому самоуправству, а по Божьему произволению. Гриша в этом смысле гораздо скромнее предыдущих героев Некрасова, он не мыслится поэтом в роли «гения», призванного вести за собой, как стадо, «спящую» Русь. Она уже не спит – она давно бодрствует, она учит отрока всматриваться в ее жизнь. «Сеятелем» теперь оказывается не интеллигент с богатым книжным опытом, а высшая сила, движущая историю.

«Встали – не бужены, вышли – не прошены» – пробуждение народа воспринимается теперь Некрасовым как органический процесс, концы и начала которого, как ключи от счастья

женского, да и народного счастья вообще, находятся в руках у Бога самого. Это пробуждение напоминает рост хлеба на Божьей ниве, сулящей терпеливому труженику, орошающему ее потом, богатый урожай. И о «поднимающейся рати» здесь говорится как о природном явлении, как о ниве, на которой, по Божьей воле и человеческому усердию, созрели обильные хлеба. Вспомним грезы Дарьи в поэме «Мороз, Красный нос»:

Видишь, меня оступает
Сила – несметная рать, —
...
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Но если народное пробуждение – природный процесс, подчиненный законам Божеским, а не человеческим, требующий от человека лишь соучастия в нем, то его нельзя ни искусственно задержать, ни умышленно ускорить: к нему надо быть чутким и действовать не по своему произволу, а в соответствии с его скрытым ритмом, подчиняясь его самодовлеющему ходу. Всякие попытки «торопить историю» – искусственны, неорганичны и заведомо обречены на провал. Нельзя до времени найти счастливого или насильственно осчастливить народ. Можно лишь в «минуту унынья» мечтать о его будущем, но при этом смиряться с тем, что рождение гражданина в народе сопряжено с долгим, но плодотворным процессом роста и созревания, цикл которого установлен свыше и человеком не может быть укорочен или удлинен.

Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю...

Эта мудрая правда – открытие позднего Некрасова, связанное с постепенным изживанием и преодолением просветительства. Гриша потому и доволен созревшей в нем песне «Русь», что в ней как бы помимо его воли «горячо сказалася» «великая правда». И в готовности завтра разучить эту песню с вахлаками нет теперь у Гриши былой просветительской самоуверенности. Он знает меру своим словам и своим слабым человеческим силам, чтобы самонадеянно уповать на сверхчеловеческие способности. Потому и возникает сразу же посылка к силам иным, горним и высшим, – «Помогай, о Боже, им!». Гриша знает теперь, что его песня, сколь бы удачной она ни была, может повлиять на мужиков с помощью Божией, и лишь в той мере, в какой эта песня выразила Его произволение. А поскольку и брат Гриши, выслушав «Русь», сказал по ее поводу: «Божественно!» – у народолюбца есть надежда, что она будет понята народом. Такой финал в поэме Некрасова буквально вопиет против произвола народного радикализма, против теории героя и толпы, столь популярной в идеологических построениях этого общественного движения.

Но ведь и песня «Русь» – еще не предел и не итог. Как к святому в «тонком сне», к Грише приходят еще невнятные и не оформленные в слова звуки или наития новой песни, лучше и краше прежней. Эти «благодатные звуки», пока еще не сложившиеся в песню, обещают «воплощение счастья народного», тот ответ, который тщетно искали потерявшие активность, как бы слившиеся с миром народной жизни некрасовские ходоки. А потому пути странников, как и пути народных заступников, устремлены в таинственные дали истории.

Ю. Лебедев

Кому на Руси жить хорошо

Часть первая

Пролог

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись – и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
Идут – перекоряются!
Кричат – не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б, ночку целую
Так шли – куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь гляючи
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

«Куда?..» – переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...

Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать-обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел – умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали – не дойдем,
Присядем, – делать нечего,
До солнца отдохнем!...»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели – и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,

Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Немудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди – уж и вцепились!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! – направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, —
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде заяка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил как встрепанный
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? – не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;

Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать!¹
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут полночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит и черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала
Людские голоса —
Пришла к костру, устала
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,

¹ Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», — говорит народ).

Без тела – а живет оно,
Без языка кричит!

Сова – замоскворецкая
Княгиня – тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну – с ладони скатишься,
Чихну – в огонь укатишься,
Щелкнѹ – мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,

Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай нам свои крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Попросим – и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки», —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку», —
Шутили мужики.

«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: все прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь? —

«Дам хлебушка

По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,

А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

– А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?

«Найти – найдете сами вы.
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

– Скажи! —
 «Идите по лесу
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобраная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
*«Эй! скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»*
По вашему хотению,
По моему велению,
Все явится тотчас.
Теперь – пустите птенчика!»

– Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом. —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь – одежду старую
На нас заморози!

– Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

– Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились, —
Потребовал Демьян.

– Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася, —
Потребовал Лука.

– Не прели бы онученьки... —
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Все скатерть самобраная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил – и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба – то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два – исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! – Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли – и нашли
Ту скатерть самобраную!
Нашли и разом вскрикнули:

«Эй, скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь – скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

«А что же нет огурчиков?»

«Что нет чайку горячего?»

«Что нет кваску холодного?»

Все появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с мальыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведуют
Как ни на есть – доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Глава I Поп

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далёко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...
Леса, луга поёмные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна – сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит – молчит, лежит – молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода – куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить – дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Все больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им – легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются, —
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» —
Сказал попу Лука.
(Лука – мужик присадистый,
С широкой бородищею,
Упрямым, речистым и глупым.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось не полетит.)

«Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из дому повыжила,

С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем...»

– Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь!.. —

«Спасибо. Слушай же!

Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши – повздорили,
Повздоривши – подралися,
Подравшись – одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть – доподлинно:

Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как – вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: – Православные!
Роптать на Бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте! —

«Начинай!»

– В чем счастье, по-вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые?

Они сказали: «Так»...

– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой*?
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!

.....
.....

Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее —
Иди – куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни, —
Нет! всякий раз намается,

Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!

Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..

Крестьяне мало думали.
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *почет*?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
Чур! отвечать на спрос!

Крестьяне позамялися,
Молчат – и поп молчит...

– С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!

Кряхтят, переминаются,
Молчат!

– О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..

Потупились ребяташки,

Молчат – и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась – затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается —
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо Божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» – братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: – Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...

«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

– Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время недалекое

Империя Российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодились и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалось,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирынам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом статья... раскольники...
Не грешен, не живился я

С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Все в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов...
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о Святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дать, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там – неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.

Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях – вода!
Умилосердись, Господи!
Пошли крутую радугу²
На наши небеса!
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь, прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,

² Крутая радуга – к вёдру; пологая – к дождю.

Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние,
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой... Аминь...

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступились,
Низенько поклонились,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорились,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку:
— Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор! —
«Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый Божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!
Попова каша — с маслицем,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с снетком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудёт!»
— Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,

Что борода лопатою?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посеичас козел!..

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно бы так и сталося,
Да, к счастью крестьянина,
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

Глава II Сельская ярмонка

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут – хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой

Полакомился скот.

—

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой – пустехонько!
А день сегодня праздничный.
Куда пропал народ?..»
Идут селом – на улице
Одни ребята малые,
В домах – старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок – собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!
Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в раkitнике,
Коростели скрипят.
На длинном шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую – лошадиную
С веревкой сажень в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет – и конь плывет,
Мужик заржал – и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня – за холку хватать!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

«А что у вас в селении
Ни старого, ни малого,
Как вымер весь народ?»
– Ушли в село Кузьминское,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.